

АЛЕКСАНДР М. ПЕВНОВ
(Санкт-Петербург)

**Об отличиях чжурчжэньского письма от китайского,
а также чжурчжэньского языка от маньчжурского**

Abstract

**On the differences between the Jurchen script and the Chinese script
and the differences between the Jurchen language and the Manchu language**

The most substantial difference of Jurchen from Manchu script is that the former belongs to the mixed systems of writing (signophonography), but the latter can be characterized as almost pure signography. I suggest the new term «signogram» which, in my opinion, reflects the essence of such graphemes as Chinese characters. Any signogram is a written sign the signified of which is a language sign. Signograms contrast with phonograms which signify different sound segments.

It goes without saying that genetically Manchu is the closest language to Jurchen. Nevertheless, if they were synchronic, they would definitely be regarded as separate languages, not as dialects of one and the same language. The main reason for this conclusion is that Jurchen differs from Manchu not only in phonetics (predominantly historical) and in vocabulary (which contains a good deal of words of unknown origin), but in morphology. Some morphological peculiarities of the Jurchen language are listed in the article, e.g. participle ending *-p* and the possibility of using the base form of the verb in different syntactic functions, «locative attribute» (ДУЛИ-ла ГУРун '«in-middle state» (China)').

*

Чжурчжэньский письменный язык стал предметом научных исследований после того как В. Грубе [Grube, 1896] сделал доступным для востоковедов средневековый китайско-чжурчжэньский словарь из серии «Хуа-и и-юй». Имеющаяся в этом источнике весьма несовершенная китайская иероглифическая транскрипция стала своеобразным ключом, позволившим если не открыть, то

хотя бы приоткрыть тайну чтения самобытных чжурчжэньских писем. Для дешифровки чжурчжэньского письма большую ценность представляют относительно немногочисленные памятники эпиграфики. Эти памятники не ограничиваются несколькими стелами-билингвами (Тырская стела является даже трилингвой); в результате археологических раскопок, в частности, на юге Приморского края России были обнаружены предметы с надписями, которые выполнены, по-видимому, чжурчжэньским «малым» письмом. К сожалению, чжурчжэньские тексты стел по разным причинам не полностью читаются, в еще большей степени это относится к памятникам «археологической эпиграфики» (исключением является лаконичная надпись на серебряной пайцзе, найденной приморскими археологами в 1976 г. [Шавкунов, Певнов, Ивлиев, 1978; Певнов, 2004, с. 241–242]).

Тот, кто не умеет читать по-китайски, вполне может принять знаки чжурчжэньского письма за китайские иероглифы. Внешне, своими отдельными элементами и некоторыми другими формальными особенностями чжурчжэньское письмо действительно напоминает китайское, однако типологическая характеристика этих систем письма кардинально различается. Суть дела заключается в том, что в отличие от китайского чжурчжэньское письмо является смешанным, т.е. в нем использовались как те графемы, которые я предлагаю называть сигнограммами (письменные знаки, передающие языковые знаки), так и те графемы, которые принято именовать фонограммами (письменные знаки, выражающие звуковые сегменты различной протяженности). Чжурчжэньскими сигнограммами часто записывались языковые знаки, выражающие лексическую семантику, фонограммами же могли передаваться и корневые морфемы, и аффиксальные.

Таким образом, самым существенным отличием чжурчжэньского письма от китайского является то, что первое относится к смешанным, или иначе – сигнофонографическим системам, второе же представляет собой сигнографию, т.е. такую систему письма, в которой графемы в идеале предназначены для передачи только языковых знаков. Надо сказать, что возможность применения сигнографического письма целиком зависит от типа языка. Таким типом может быть только такой, в котором морфема совпадает со слогом. К числу таких силлабоморфемных языков относится, в частности, китайский. Соотношение письменных и языковых знаков определяется при этом следующей формулой: графема = морфема = слог. Согласно этой формуле, любая графема должна передавать слог, а это означает, что китайское письмо можно характеризовать не только как сигнографическое, но одновременно и как слоговое (силлабическое).

Наличие в каком-либо письме большого количества сигнограмм обычно предполагает использование комплементов: либо семантических, либо фонетических (либо и тех, и других). Необходимость употребления комплементов объясняется тем, что в сложных для запоминания полиграфемных системах письма объективно возникает потребность в избыточности, плеонастичности средств

графической передачи вербальной информации. Плеонастичность полиграфемного письма («гиперграфия») может проявляться, как только что было сказано, в использовании разного рода комплементов при сигнограммах. Иная разновидность плеонастичности письма (гиперграфии) заключается в частичном повторе чтения фонограмм (например, вместо *ма-на-ра* чжурчжэни писали *ман-на-ара*, вместо *ту-мур* – *тум-му-ур*, вместо *о-лэ* – *ол-лэ*). В китайском письме семантические и фонетические комплементы называются соответственно ключами и фонетиками, причем и те, и другие функционируют не отдельно от сигнограмм, а находятся внутри них, являясь неотъемлемой частью самих этих сигнограмм. В чжурчжэньском письме комплементы были только фонетическими, при этом они представляли собой самостоятельные графемы, употребление которых при сигнограммах иногда было факультативным.

Кстати, сама возможность употребления фонетических комплементов при сигнограммах является доказательством того, что, например, в чжурчжэньском письме или в китайском используются именно сигнограммы (знаки письма, выражающие знаки языка), а не идеограммы (графические знаки, передающие понятия, «идеи»). Действительно, при помощи фонетического комплемента можно подтверждать только сегмент звучания языкового знака, но, конечно же, не понятия.

Как известно, китайские иероглифы (китайские сигнограммы) по-разному читаются, например, китайцами и японцами. В отличие от китайских сигнограмм чжурчжэньские читались, вероятно, только на одном языке – на чжурчжэньском, с постепенным исчезновением которого чжурчжэньское письмо было окончательно забыто. Можно, впрочем, предположить, что в разных диалектах этого языка и в разные периоды его существования сигнограммы читались не совсем одинаково.

Читаемые в результате дешифровки смешанные системы письма (или иначе – исторические смешанные системы письма), на мой взгляд, обязательно должны иметь смешанное чтение, предполагающее разную надежность чтения разных графем. В чтении чжурчжэньских писем целесообразно разграничивать фоноверифицированное чтение графем, реконструированное чтение графем и, так сказать, китайское чтение графем (последнее представляет собой китайскую средневековую иероглифическую транскрипцию, озвученную по-современному и передаваемую при помощи китайского фонетического алфавита). Самым надежным является фоноверифицированное чтение (далее оно обозначается курсивом строчными буквами кириллицы), менее надежным выступает реконструированное чтение (оно передается курсивом заглавными буквами кириллицы) и, наконец, наименее надежным следует считать «китайское чтение», передаваемое строчными буквами латиницы (оно не маркируется курсивом, причем границы, отделяющие его от фоноверифицированного и реконструированного чтения, обозначаются косыми чертами). Кстати, заглавными (большими) буквами выделяется не только реконструированное звучание (чтение) графемы, но и восстанавливаемое значение слова.

*

В генетическом отношении чжурчжэньский, как давно уже известно, относится к семье относительно близко родственных между собой тунгусо-маньчжурских языков. Ближайшим родственником чжурчжэньского является маньчжурский. То, что отличает оба языка друг от друга, относится не только к лексике и исторической фонетике, но в немалой степени и к морфологии, что и дает, по-моему, основание считать весьма сходные между собой идиомы самостоятельными языками, а не диалектами одного языка. Впрочем, строго говоря, понятие территориального варианта языка, или диалекта, применимо только к синхронии, по отношению же к диахронии использовать противопоставление понятий «язык – диалект» некорректно, в этом случае следовало бы употреблять термин «идиом», в котором указанное противопоставление нейтрализовано. Однако чтобы не обременять читателя малоупотребительным термином «идиом», в данной статье я буду использовать словосочетания «чжурчжэньский язык» и «маньчжурский язык».

Далее будут отмечены некоторые отличия чжурчжэньского языка от маньчжурского в лексике, фонетике и морфологии. Необходимо иметь в виду, что в действительности различий между обоими этими языками было, несомненно, больше. Основанием для такого суждения служит то, что объем сведений об этих языках различается весьма существенно. Например, объем известной маньчжурской лексики приблизительно в 15 раз превышает объем известной в настоящее время чжурчжэньской лексики (по подсчетам В.А. Аврорина в «Полном маньчжурско-русском словаре», составленном И.И. Захаровым, от 15000 до 15500 словарных статей [Аврорин, 2000, с. 31, примечание 6]).

Приведу далеко не полный перечень тех чжурчжэньских слов, которые не имеют соответствий в маньчжурском письменном языке (если судить по упомянутому словарю И.И. Захарова [Захаров, 1875]):

АНЧун ‘золото’, *аП’а* ‘лев’, *баСА* ‘опять’, *болуун* ‘спокойный; тихий’, *гашаХ’А* ‘преступать, нарушать (закон); совершать (преступление, ошибку)’, *гу-* ‘переправляться (через реку)’, *ГУИПара* ‘абрикос’, *ДАЛБАла* ‘сбоку, около, близко’, *жа-* ‘временно пребывать, размещаться’, *жаса-* ‘приводить в порядок; наказывать’, *жаши-* ‘приказывать, распоряжаться’, *ЖИла-* ‘сочувствовать, жалеть, любить’, *жэун* ‘правый’ (< ‘левый’), *йада* ‘ловкий, искусный’, *уе/ОРхун* ‘ясный, понятный (в частности, об указе)’, *кэшигэБУР* ‘заботиться, беспокоиться, тревожиться’, *маин* ‘жалованье’, *мита-* ‘отступать’, *пиха/ла* ‘моментально, в один миг’, *НОбурэ-* ‘расставлять в порядке’, *ну/wulu* ‘каждый’, *н’ажу* ‘редька’, *н’аШИЛ* ‘младенец, МЛАДЕНЦЫ’, *н’оНОРГО* ‘дворец, дворцовый зал’, *олэуэ* ‘такой’, *Омуху* ‘моукэ (военно-административная единица у чжурчжэней)’, *оши-* ‘любить, заботиться’, *сухэ* ‘ива’, *таира* ‘буддийский храм (монастырь); кумирня’, *таса* ‘императорский двор’, *тэГИРЭ* ‘везде, кругом’, *уйЭ-* ‘отнимать, отбирать, захватывать, завладевать’, *УЛИти* ‘север’, *fan/tu* ‘юг’, *fuli/ши* ‘запад’, *хичурэ* ‘яблоня

сливолистная, или китайская', ху³У 'персик', хулу 'кольцо', хучауги 'славный', хэки 'дамба, плотина', хэл 'выгравированная надпись', чахан 'чи (китайский фут)', ШАУша- 'идти походом (войной), покорять', ШИНун 'холодный, холод', эи- - корень вспомогательного отрицательного глагола.

Если говорить об отличиях чжурчжэньского языка от маньчжурского в фонетике, то речь должна идти главным образом об отличиях в исторической фонетике обоих языков. Не буду перечислять звуковые соответствия между этими языками, скажу только, что почти во всех случаях чжурчжэньский язык отражает (и это совершенно естественно) более раннее состояние, которое для маньчжурского языка является результатом реконструкции (в том числе и внутренней). Иными словами, с позиций исторической фонетики маньчжурский письменный язык с некоторыми оговорками можно рассматривать как относительно позднее состояние чжурчжэньского письменного языка. Подчеркну, что такой вывод касается только исторической фонетики, но не исторической морфологии. Необходимо, однако, отметить, что в чжурчжэньской исторической фонетике имеется результат одного звукового перехода, в целом не свойственного маньчжурскому письменному языку. Речь идет об обнаруженном посредством фоноверификации переходе звука *p* перед *и* в звук *л*, например: чж. *жачили* 'палатка, шатер' ~ ма. *чачари* id.; чж. *эли(Н)* 'сезон, время года' ~ ма. *эрин* 'время; пора; время года; час'; чж. *чэли(Н)* 'шелковые ткани, шелка' ~ ма. *чэри* 'флёр (редкий, сетчатый, реже флёра чэчэ)'. Следует сказать, что и в письменном маньчжурском языке имеются примеры перехода *ри* → *ли*, но они буквально единичны: *дэбтэлин* 'тетрадь' (< **дэбтэрин*, ср. п.-мо. *debter* 'книга; тетрадь'), *жалин* 'для, ради, по причине,...' (< **жарин*, ср. эвенк. *жарин* 'для, ради, за, из-за, про, по поводу'); думаю, что эти слова скорее всего заимствованы маньчжурским языком из чжурчжэньского.

В плане исторических звуковых изменений чжурчжэньский язык несколько «забегает вперед» по отношению к маньчжурскому еще в одном случае. В аналогичной позиции, т.е. перед гласным *и*, в чжурчжэньском языке наблюдается результат вроде бы не имеющего исключений перехода *с* → *ш*, например: *шилихи* 'желчь, желчный пузырь' (ср. ма. *силхи* id.). В маньчжурском письменном языке также можно заметить результаты подобного звукового перехода, но в отличие от чжурчжэньского языка маньчжурский в данном случае проявляет необъяснимую нерегулярность.

Фонологическая система чжурчжэньского языка, если и отличалась чем-то от соответствующей системы маньчжурского языка, то вряд ли существенно. Фонотактика чжурчжэньского письменного языка в сопоставлении с маньчжурской была в целом несколько архаичнее (что, конечно же, совершенно естественно). Это проявляется, в частности, в наборе согласных, которые допустимы в аудите; в чжурчжэньском это звуки *н*, *п*, *р*, *л*, а в маньчжурском – только *н* и *п* (если не принимать во внимание образные, или оноματοпозитические слова; следует отметить, что звук *п* в исходе чжурчжэньских и маньчжурских слов встречается

в заимствованиях). Архаичные особенности просматриваются также в сингармонизме чжурчжэньского языка: помимо большей регулярности действия закона гармонии гласных, в этом языке, вероятно, сохранялось сингармоническое противопоставление лабиализованных гласных относительно более низкого подъема лабиализованным гласным относительно более высокого подъема ($o^1 - o^2, y^1 - y^2$).

Что касается морфологии, то можно говорить о следующих существенных отличиях письменного чжурчжэньского языка от письменного маньчжурского:

Во-первых, в чжурчжэньском письменном языке в системе глагольных слов функционировали такие аффиксы (*-ру*, *-ва*, *-шу*, *-СУИ*, *-р*), которых нет в маньчжурском письменном языке (аффиксы *-ру*, *-ва*, *-шу* имели значение длительности и относились к той категории глагольных слов, которую в тунгусо-маньчжуроведении принято называть видом; оформитель причастия *-СУИ* соответствует по значению, например, эвенкийскому причастному аффиксу *-сй*, который присоединяется к некоторым глагольным основам, выражающим состояние; *-р* является показателем причастия, которое отсутствует во всех или почти во всех тунгусо-маньчжурских языках (в бикинском диалекте нанайского языка имеется загадочная форма на *-р*, напоминающая, на мой взгляд, причастие [Сем, 1976, с. 106])). Кроме того, в чжурчжэньских глагольных словах встречаются аффиксы либо с не установленным, либо с весьма спорным значением; к числу таких аффиксов я бы отнес *-ги*, *-лэ* (*-ло*), *-сун*, *-хи*, *-шин* (все они относятся, вероятно, к числу словоизменительных).

Во-вторых, в чжурчжэньском языке чистая глагольная основа, т.е. не оформленная словоизменительным показателем, могла выступать в нескольких синтаксических функциях (в частности, свойственных причастию). В маньчжурском языке чистая глагольная основа используется только в качестве формы повеления, обращенного ко второму лицу.

В-третьих, в системе именных слов чжурчжэньского письменного языка употреблялся показатель *-ги* со значением обладания; пример именно с таким значением этого аффикса пока только один (*ᡵᡠᡩᡠᡳᡥᡳ* 'имеющий путь (по-китайски: Дао)'), однако есть несколько случаев, когда показателем *-ги* оформлены слова, в переводе соответствующие русским прилагательным (*ИЧЭ-ги* 'новый' (буквально: обладающий новизной), *шуми-ги* 'глубокий' (буквально: обладающий глубиной)). В маньчжурском письменном языке такого показателя нет.

В четвертых, в чжурчжэньском письменном языке имелся показатель *-хи*, придававший слову с локативной семантикой выделительное значение ('тот, который...'), например: *ГОРоло-хи* 'находящийся вдали; тот, который вдали' (*-ло* является в этой словоформе одним из сингармонических вариантов показателя местного падежа). Соответствующий по форме и по значению аффикс представлен в тюркских и монгольских языках, но отсутствует в маньчжурском.

В-пятых, в образовании некоторых чжурчжэньских, условно говоря, имен прилагательных принимали участие аффиксы *-ун* и *-үэ*, например: *ГАГДА-ун*

‘верный, подлинный, честный; ВЕРИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК, ПАЙЦЗА’, *ЖУЛЭ-үэ* ‘передний; восточный’. Соответствующих аффиксов в маньчжурском языке нет.

В-шестых, в чжурчжэньском письменном языке еще, вероятно, входили в парадигму падежи, показатели которых в маньчжурском письменном языке либо сохранились в качестве реликтов в некоторых наречиях, либо вообще отсутствуют. Сказанное относится к местному (показатель *-ла/-лэ*), направлению (показатель *-ши*) и творительному (показатель *-жи*) падежам. Кроме того, в чжурчжэньском письменном языке использовался показатель дательного-местного падежа *-ду* (*-до*), имеющий соответствия во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме маньчжурского, в котором дательного-местный падеж выражается аффиксом *-дэ*, восходящим, по-моему, к заимствованному из какого-то монгольского языка слову (*-дэ* < **дэүэ* < **дэүэр* ‘верх’, ср. чж. *дэгэр* ‘верхний, ВЕРХ’, п.-мо. *degere* ‘верх, наверху’ (исторически это форма местного падежа)). Особенностью чжурчжэньского местного падежа является то, что им могло оформляться, так сказать, **локативное определение**, например: *ДУЛИ-ла ГУРун* ‘Китай’ (буквально: срединное государство, а если еще точнее, то «всерединное»), *ТУЛИ-лэ Н’АРМА* ‘иностранец’ (буквально: наружный, внешний человек). В чжурчжэньском языке локативное определение появилось, вероятно, под монгольским влиянием, ср. п.-мо. *dumda-du ulus* ‘Китай’, где формант *-du* весьма напоминает показатель дательного-местного падежа *-dur* в монгольском письменном языке и совпадает с показателем дательного-местного падежа *-du* в ойратском литературном языке [Яхонтова, 1997, с. 138].

В-седьмых, в чжурчжэньском письменном языке имеется минимальное количество составных аффиксов, причем возникли они, вероятно, еще в период существования тунгусо-маньчжурского праязыка. К таким древнейшим чжурчжэньским составным аффиксам относятся *-маи/-мэи*, *-б’а/-б’э* (показатели деепричастия), а также, возможно, *-ра/-рэ* (показатель причастия). Эти аффиксы появились некогда в результате слияния тематических согласных *-н* и *-р* с присоединявшимися к глагольной основе формантами (подробнее об этом см. в книге: [Певнов, 2004, с. 408–411, 415–417]). В маньчжурском составная аффиксация развита весьма умеренно, однако во всех остальных тунгусо-маньчжурских языках составных аффиксов очень много, причем образовались они главным образом уже после распада праязыка, о чем свидетельствует крайне малое количество материально общих для всех тунгусо-маньчжурских языков составных аффиксов [Певнов, 2004, с. 432–435].

Стоит упомянуть, наконец, одну из особенностей чжурчжэньского письменного языка, которую можно было бы назвать «итацией». Суть стоящего за этим термином-неологизмом фономорфологического феномена заключается в том, что в исходе некоторых как аффиксальных, так и корневых морфем наблюдается некий звук *и*, не влияющий на грамматическое значение морфемы, но и не являющийся результатом комбинаторных звуковых изменений. Приведу примеры: *-хаи/-хэи* (показатель причастия прошедшего времени в чжурчжэньском письменном языке,

ср. соответствующий маньчжурский аффикс *-ха/-хэ*), *-маи/-мэи* (показатель одновременного деепричастия в чжурчжэньском письменном языке, ср. соответствующий аффикс *-мэ* в маньчжурском письменном языке и сингармонический вариант показателя одновременного деепричастия *-та* в языке сибирских маньчжуров: *jabuta* 'идя', *ašata* 'встретить' [Kałużyński, 1977, S. 91]), *эи-* (не э-, как, например, в эвенкийском или негидальском языках), *хидаи* 'занавеска, штора', *хубаи* 'янтарь', *сушигаи* 'бич, кнут', *АНдахаи* 'гость'. Аналогичная итация имела место в старописьменном монгольском языке (ср., напр., варианты показателя прошедшего времени: *-ba/-be* ~ *-bai/-bei* [Орловская, 1997, с. 24]), а также в ойратском литературном языке (ср., напр., варианты соответствующего показателя: *-bai/-bei/-boi/-böi* [Яхонтова, 1997, с. 141]). По всей вероятности, итация некоторых морфем в чжурчжэньском языке возникла под монгольским влиянием; не исключено, впрочем, что итация по крайней мере корневых морфем была некогда возможна и в других тунгусо-маньчжурских языках (ср. эвенк. *га-* 'взять' с чж. и ма. *гаи-* id., ульч. *хај* 'что, кто', *хајду* 'где', но *хаваси* 'куда'). Хотел бы подчеркнуть, что необходимо дальнейшее изучение итации в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках, поскольку данное уникальное фономорфологическое явление может пролить свет на природу древнейших взаимоотношений этих языков.

Сокращения

ма. – маньчжурский

п.-мо. – письменно-монгольский, монгольский письменный язык

ульч. – ульчский

чж. – чжурчжэньский

эвенк. – эвенкийский

Литература

- Аврорин В.А., *Грамматика маньчжурского письменного языка*. СПб., 2000.
 Захаров И., *Полный маньчжурско-русский словарь*. СПб., 1875.
 Орловская М.Н., *Старописьменный монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М., 1997.
 Певнов А.М., *Чтение чжурчжэньских писем*. СПб., 2004.
 Шавкунов Э.В., Певнов А.М., Ивлиев А.Л., *Серебряная верительная пластина чжурчжэней с Шайгинского городища // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток, 1978.
 Сем Л.И., *Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект*. Л., 1976.
 Яхонтова Н.С., *Ойратский литературный язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М., 1997.
 Grube W., *Die Sprache und Schrift der Jučen*. Leipzig, 1896.
 Kałużyński S., *Die Sprache des Mandschurischen Stammes Sibe aus der Gegend von Kuldscha*. I Band. Warszawa, 1977.